

В.В. Селиванов

**Записки офицера в
Вознесенском походе 1837
года**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
В11

В11 **В.В. Селиванов**
Записки офицера в Вознесенском походе 1837 года / В.В. Селиванов – М.:
Книга по Требованию, 2021. – 47 с.

ISBN 978-5-458-16663-8

Описание маневров.

ISBN 978-5-458-16663-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ЗАПИСКИ ОФИЦЕРА ВЪ ВОЗНЕСЕНСКОМЪ ПОХОДѢ

1837 года *).

Городъ Богодуховъ.

Было время, когда слово походъ волновало душу. Было время, когда звукъ трубы, ржаніе лошадей, послѣдній прощальный говоръ отходящихъ кипятили кровь, — в мысль о безграничномъ просторѣ полей, видѣ незнакомыхъ городовъ, кочевая безпечная жизнь — свобода и разгулъ воображенію, облекали походъ въ какіе-то радужные оттѣнки. Было время. . Куда-жъ дѣвалось оно?...

Отъ чего жъ теперь я такъ задумчивъ? Отъ чего видъ опустѣвшей квартиры предъ выступленіемъ навелъ на меня уныніе?.. Не отъ того-ли, что въ былое время и на жизнь смотрѣлъ я, какъ на тихій, ни чѣмъ не возмущаемый потокъ, плавно текущій въ живописныхъ извѣствующихъ берегахъ, отражалъ только ясную лазурь неба или красавицу ночи — луну!.. Но, проходя путь жизни, я узналъ по опыту, что тотъ потокъ бываетъ часто возмущаемъ грязною тиною страстей, что не одно ясное небо

*) Записки эти принадлежать перу покойнаго автора "Года русскаго земледѣльца", Вас. Вас. Селиванову, и сохранились въ моемъ семейномъ архивѣ, въ числѣ многихъ неизданныхъ сочиненій моего отца. *А. Селивановъ.*

и не скромную луну отражаетъ въ струяхъ своихъ, но часто смотрится въ него съ своимъ жгучимъ лучамъ и солнце честолюбимъ, и мрачныя тучи неожиданныхъ бѣдствій; узналъ, что не всегда течетъ онъ плавно, а чаще бѣшетъ, пѣнится, и въ бурныхъ волнахъ своихъ готовитъ могилы для любви, надежды и добродѣтели...

Прежде... всякая радость, всякое наслажденіе, какъ-бы велики они не были, не заставляли желать остановить на мигъ теченіе времени, чтобъ долже наслаждаться ими:—я думалъ, пройдетъ оно, наступитъ другое... но теперь, когда знаю, что за радостію непремѣнно слѣдуетъ горе, я бы желалъ удержать время—но, не умолимое, оно летитъ, летитъ... влечетъ за собою новое горе, но минувшихъ радостей не возвращаетъ!

И въ походѣ, какъ въ жизни: смотришь впередъ вдаль.—Тамъ все такъ свѣтло, такъ радостно. Города красуются зданіями; деревни и селы изобиліемъ и мирною тишиною; но какъ часто все это бываетъ обманчиво вблизи: яркая зелень луговъ представляется взорамъ тѣнистымъ болотомъ, въ которомъ гнѣздятся ядовитыя гадины; зданія городовъ превращаются въ ничтожныя, часто полуразрушенныя строенія, гдѣ обитаетъ порокъ и не образованность; а въ мирныхъ хижинахъ селеній встрѣчаемъ нищету и невѣжество, прикрывающія тѣже страсти, тоже себялюбіе, тоже ничтожество, хотя и не подъ модною шляпкою и не подъ пѣмецкимъ парикомъ...

Не всегда воздухъ полей бываетъ благотворенъ. Часто жаръ палящихъ лучей солнца сгущаетъ атмосферу, вѣтеръ несетъ въ лицо и въ глаза пыль и, удушая, истребляетъ всякое

чувство. Не всегда попадается хорошая квартира, но чаще тараканы, мухи, сквозной ветеръ и безобразная хозяйка... заставляют жалѣть объ утомительномъ переходѣ.

Испытавъ все это, не разъ побродивши въ походахъ, я не могу удержаться отъ вздоха, когда должно мнѣ оставить, иногда, самую посредственную квартиру, на которой, хотя и зная горе, но были также и отрадныя минуты: тутъ предавался я сладкой мечтѣ воспоминанія, на этомъ мѣстѣ читалъ заветное письмо, слышалъ отрадную новость, видѣлъ пріятный сонъ... и вотъ, и стѣны сдѣлались милы, и лавка, и столъ кажутся удобными, — я свыкся съ ними, какъ умирающій, оставляя печальную, полную страданіями жизнь, тоскуетъ о ней, потому что къ ней привыкъ, потому что и между страданіями просвѣчивали искры надежды, а будущее... покрыто непроницаемымъ мракомъ неизвѣстности!..

Цѣлый мѣсяцъ дивизія наша предъ выступленіемъ въ Вознесенскъ стояла въ сборѣ при городѣ Бѣлгородѣ; и вотъ отсюда я начинаю писать мои записки, пишу, и самъ незнаю, съ какою цѣлью; кажется отъ скуки, отъ нечего дѣлать.

Іюня 1837 года, часу въ шестомъ утра я былъ разбуженъ словами: «пора вставать»! открываю глаза, смотрю, — передо мною стоитъ одинъ изъ моихъ товарищей, уже готовый къ походу, въ ледункѣ и перетянутый шарфомъ. Безпечность и равнодушіе были написаны на лицѣ его, а я... со вздохомъ всталъ и началъ одѣваться.

Погода была ненастная. Сѣрыя тучи обложали небо, частый дождикъ шумѣлъ и ручьи воды струились по всѣмъ направленіямъ. За-

сѣдланная лошадь стояла у крыльца, роя копытомъ землю, не отъ нетерпѣнія, но съ тоскою опустивъ голову, казалось отвѣчала мрачному расположенію духа своего хозяина.

Но вотъ, звукъ трубы походной раздался — и эскадроны двинулись на сборное мѣсто.

Предъ начатіемъ молебна, который долженъ былъ предшествовать походу, и до прибытія генерала эскадроны спѣшились. Офицеры стали сходиться въ кружки, шутки, остроты, хотя слышались въ каждомъ, коротенькія трубки и цыгары дымились, переходя изъ устъ въ уста. Всѣ были веселы, но по выраженію лицъ можно было читать самыя сокровенныя тайны сердець: тотъ, закинувъ голову и съ серьезно веселымъ взглядомъ, оглядываясь на всѣ стороны, какъ будто уже чувствовалъ пріятную тигость на шеѣ, отъ Анны или Станислава — справедливая награда его службы, или какъ слѣдствіе удачнаго смотра. Другой готовился приклеить лишнюю звѣздочку, или совсѣмъ снять ихъ съ своего эполета... Третій, не ожидая ни того ни другаго, но привыкнувъ къ безпечности души, заранѣе радовался пріятному зрѣлищу, какое его ожидаетъ на поляхъ Вознесенскихъ. Юные ожидали денежныхъ наградъ и въ умѣ расчитывали уплату долговъ...

Жалки мнѣ казались они съ ихъ мелочною суетностью... Но что волновало и мою душу? Люди, люди! зачѣмъ проникать вамъ въ мои сокровенныя тайны? что вамъ въ нихъ? Вы ихъ не поймете, вы осмѣете меня! Но вотъ пріѣхалъ начальникъ дивизіи. Скомандовали *садись! кивера долой!* и молебенъ начался.

По окончаніи молебна, музыка заиграла и полкъ повзводно длинною тесмою потянулся мимо генерала на большую дорогу. Въ послѣд-

ній разъ оглянулся я назадъ, вздохнулъ изъ глубины души и, опустивъ поволья, далъ лошади волю идти, какъ ей угодно...

Теперь мы въ Богодуховѣ. Городъ не великъ, не опрятенъ, неправиленъ... Мѣстоположеніе унылое. Цѣлый вечеръ на площади играли наши трубачи и пѣли пѣсенники.— Жители были въ восторгѣ. Это первый городъ Малороссіи.

Мѣстечко Опошня.

Іюли 4 дня.

Проснувшись послѣ обѣда, я взглянулъ на часы, было четыре часа. Что стану я теперь дѣлать, подумалъ я; не пойдти ли мнѣ на тотъ курганъ, который, я замѣтилъ, возвышался среди лѣса в овраговъ—въ правой сторонѣ отъ дороги, когда мы подходили къ Опошнѣ? Но до него будетъ отъ моей квартиры версты четыре, по крайней мѣрѣ... Что-жъ за бѣда: теперь я отдохнулъ, усталости походной не чувствую,—пойду.

Взявъ бумагу и карандашъ и, подкрѣпивъ еще силы свои двумя рюмками наливки, которые предложилъ мнѣ мой хозяинъ (Малороссія въ аллегорическомъ видѣ), я пошелъ.

Вышедъ на большую дорогу, я повернулъ путь мой къ кургану. Изъ за лѣсовъ онъ, какъ гигантъ, гордо возвышался надъ окрестностію и какъ будто съ пренебреженіемъ смотрѣлъ на всѣ окружающіе его предметы. Дороги къ нему не было, я пошелъ на счастье прямо, чрезъ глубокіе овраги, поросшіе лѣсомъ и густымъ кустарникомъ. Карабкаясь по крутымъ отлогостямъ, перелѣзая чрезъ поломанныя бурею деревья и продираясь чрезъ кустарникъ, я выб-

рался, наконецъ, чрезъ добрыхъ полчаса, на открытое мѣсто къ подошвѣ кургана. Еще не много труда... и я былъ уже на его вершинѣ.

Какими словами въ состояніи я перелить на бумагу величіе природы, всю прелесть того, что открылось глазамъ моимъ. Я былъ какъ будто окруженъ необозримою панорамой, сцѣпленною изъ очаровательныхъ видовъ; но они не для кисти, не для карандаша. Природа, какъ будто изъ гордости, не хотѣла въ этомъ мѣстѣ быть натурщицею для смертныхъ и, казалось, хотѣла сама быть неподражаемою картиною.

Впереди чрезъ лѣсъ, верстахъ въ полтора внизу, близъ излучистой и болотистой Ворсклы виднѣлся куполъ церкви и нѣсколько домиковъ села *Млиновъ*. Далѣе текла Ворскла узкими и иоросшими тростникомъ рукавами, чрезъ которыя перекидывались мосты большой Харьковской дороги. Далѣе открывалось пространство верстъ на 40, покрытое лѣсами, между ними въ перелѣскахъ мелькали хутора, виднѣлись мѣстечки и деревеньки; постепенно отдаляясь отъ зрѣнія, всѣ предметы какъ будто возвышались уступами, становились синѣе, блѣднѣе—и, наконецъ, сливались съ горизонтомъ.

На лѣво чрезъ просѣку виднѣлось кладбище и нѣсколько хуторовъ; на право и позади меня лѣса и долины раскидывались очаровательными амфитеатрами.

Самый курганъ, на которомъ стоялъ я, былъ по видимому насыпной; ничто иное, какъ древняя могила, или памятникъ битвы народовъ, давно уже исчезнувшихъ съ лица земли...

Взошедъ на курганъ, я былъ сначала пораженъ красотою открывшихся предо мною видовъ. Никогда въ жизнь мою я не видывалъ ничего подобнаго! Какъ бѣдна сѣверная природа въ

сравненіи съ южною... Ихъ можно назвать двумя сестрами: первая иногда бываетъ холодно-величественна, другая—пылко-очаровательна.

Усталость заставила меня прилечь на траву. Солнце приближалось къ окончанію своего пути; красновато-золотые лучи его, обливая предметы, придавали всему какой-то особенно прелестный колоритъ. Небо было безоблачно и синѣлось, какъ очи херувима. Какая-то нѣга, свойственная только южному краю, легла на каждую травку, на каждый листокъ, на каждое деревцо... Какъ легко дышалъ я ароматнымъ, вечернимъ воздухомъ, долго я смотрѣлъ на всѣ стороны... и задумался.

На право на полугорѣ чрезъ вершину лѣса виднѣлись еще остатки полевыхъ укрѣпленій строенныхъ вѣроятно для удержанія переправы чрезъ Ворселу шведскихъ отрядовъ. Съ этихъ береговъ, думалъ я, звукъ русскаго оружія начался гремѣть славою по Европѣ; можетъ быть исполинъ царь, объѣзжая линію войскъ своихъ, останавливался на этомъ редутѣ, устремивъ взоры свои на мѣсто переправы, измѣрялъ взорами пространство и направлялъ огонь артиллеріи, чтобы привѣтствовать картечью и ядрами на югъ россіи незваныхъ гостей сѣвера... А тамъ за рѣкою непобѣдимый Карлъ, предводя желѣзными батальонами шведовъ, съ хладнокровіемъ въ лицѣ, но въ душѣ можетъ быть съ тайнымъ ужасомъ, видѣлъ успѣхи своихъ учениковъ и, потерявъ уже большую часть своей артиллеріи, надѣялся еще на кровавую звѣзду военнаго своего счастія. Въ русскихъ онъ помнилъ еще бѣглецовъ нарвскихъ... Тогда еще не рокоталъ надъ нимъ громъ Полтавы, тогда нога его еще не была прострѣлена русскою пулею.

За рѣкою верстахъ въ пяти съ кургана видны еще валы вѣрности, строеной шведами для удержанія позиціи.

Тогда звукъ оружія, пальба артиллеріи, дикіе и иступленные крики воиновъ, стоны умирающихъ и раненныхъ оглушали окрестность... Теперь чрезъ лѣсъ и долины вечерній вѣтерокъ доносилъ до моего слуха очаровательные звуки увертюры, играемыхъ нашими трубачами въ мѣстечкѣ предъ вечернею зарею. Не вдалекѣ, близъ одного хутора, слышался звонкій смѣхъ, прерываемый звуками малороссійской свирели; мирно жужжалъ жукъ вечерній и кузнечикъ, притаясь въ травѣ, наигрывалъ обычную свою пѣсенку!...

Можетъ быть тогда, на этомъ самомъ мѣстѣ, молодой всланъ, прострѣленный пулею и перенесенный по пролѣзѣ его товарищами на этотъ курганъ, смотря такъ-же, какъ я теперь, на заходившее солнце, въ послѣдній разъ любуясь синимъ небомъ, благодарилъ Творца за побѣду и посылалъ предсмертный свой вздохъ юной подругѣ, или мысленно просилъ благословенія матери... Можетъ быть онъ и схороненъ на этомъ курганѣ и я попираю прахъ его... Гдѣ-же я сложу мою голову, подумалъ я?.. Мнѣ стало грустно...

Я всталъ, чтобы идти домой. Западъ еще горѣлъ лучами закатившагося солнца, все было еще на немъ такъ свѣтло и радостно, а съ востока надвигались густыя тучи. Я былъ совершенно одинъ; въ это время мнѣ казалось, что нѣтъ въ мірѣ существа, которое-бы откликнулось на призывъ души моей. Въ тоскѣ я искалъ его глазами, прислушивался, не услышали его голоса?.. Въ природѣ царствовало совершенное безмолвіе. Въ комъ-же искать мнѣ утѣ-

шенія, думалъ я?—Какъ вдругъ, до слуха моего начали доходить звуки вечерней молитвы, играемой трубачами по пробитіи зари, и мелодія ея утѣшительною надеждою пролилась въ мою душу... Я понялъ все... Снял фуражку и тихо началъ изливать предъ Творцомъ мольбы свои; но вотъ звуки молитвы становятся тише, тише—и замолели, какъ послѣдній вздохъ умирающаго праведника.

Въ одиннадцать часовъ, вслѣдствіе того, что я хожу прямо безъ дорогъ, назначая только глазами издали цѣль своего пути, не смотря ни на какія препятствія, оборванный и усталый, возвратился я на мою квартиру... Въ эту прогулку я срисовалъ два вида; одинъ, видъ села Млиновъ, а другой я снялъ съ того кургана, на которомъ провелъ я нѣсколько часовъ съ большимъ наслажденіемъ.

Когда насыпанъ этотъ курганъ? спросилъ я у одного стараго хохла. «Еще до шведа», отвѣчалъ онъ, «кажутъ, что то могила;»—и я совершенно съ нимъ согласенъ.

С. Диканка.

Іюля 5-го и 6-го.

Гдѣ будетъ дневать эскадронъ нашъ? спросилъ я у встрѣчавшаго насъ квартирьера. «Въ Диканкѣ, ваше благородіе, вмѣстѣ съ 3, 7 и 8-мъ эскадронами», отвѣтилъ онъ.

Въ Диканкѣ.. повторилъ я въ полъ-голоса. Кто читалъ *Вечера на хуторѣ близъ Диканки, писаника рудаго Панька* (Гоголя), тотъ не удивится, что извѣстіе, что мы будемъ квартировать въ Диканкѣ, принесло мнѣ удовольствіе; но не всѣ помнятъ и не всѣ знаютъ

у насъ въ Россіи, что Диканка есть наслѣдственное имѣніе фамиліи *Кочубеевъ*.

Тутъ окруженный огромными садами, въ англійскомъ вкусѣ, среди стройныхъ топей, красавцевъ растительнаго царства, возвышается дворецъ графа, плѣняющій зрѣніе простою, не изысканною красотою своей архитектуры въ новѣйшемъ вкусѣ. Къ двору примыкаетъ огромный паркъ, занимающій пространства по меньшей мѣрѣ квадратныхъ десятинъ шестьдесятъ. Черезъ средину парка проложена во всю длину его на пролетъ прямая, довольно широкая дорога; но отъ огромности вѣтвистыхъ деревь, надъ которыми вѣроятно протекали многія столѣтія, тамъ, среди бѣлаго дня, господствуетъ сумракъ. Весь паркъ перерѣзанъ многими излучистыми дорожками, надъ которыми вѣтви деревь и огромныхъ кустарниковъ сплелись почти непроницаемыми сводами. Въ одной сторонѣ парка построена каменная церковь, въ которой находится чудотворная икона Чудотворца Николая.

Ходя по парку, невольно переносишься мыслию во времена давно минувшія для Малороссіи. Сколькихъ бѣдствій и славы были свидетелями эти огромные дубы и вязы, къ которымъ, казалось, ни рука времени, ни сѣкира человѣка, не смѣли прикоснуться въ продолженіи многихъ вѣковъ. Можетъ быть подъ непроницаемою тѣнью вѣтвей ихъ замыслилъ доносъ свой на измѣнника Гетмана страдалецъ преданности къ престолу и Россіи, старый Кочубей!.. Можетъ быть при корнѣ этого дерева любила отдыхать дочь его, юная прекрасная Матруся, затаивъ и лелея въ душѣ своей любовь къ губителю родины и тирану отца ея... Тогда какъ, пламенно любившій её